«Эффект Навального»: лидер оппозиции как «продукт» социального проектирования.

Оригинал статьи.

Алексей Навальный – «лидер оппозиции», «проект», «инструмент клановых войн», «революционер»… Теперь еще лоялистами вброшено – «поп Гапон». Определений слишком много, образ получается сложным и мотивирует к социологическому разбору этой фигуры.

Тактика Навального опрокидывает классические партийные модели прошлого века. Линейно-иерархичные партии теряют свою эффективность, их лидеры неинтересны. Навальный создает структуру сетевого типа. Он предлагает не программу, не партийную платформу, не набор лозунгов. Он создает сеть сторонников, связанных моральной ценностью – неприятие коррупции. Инструмент развития сети – качественно упакованный информационный продукт, который обеспечивает огромное вирусное распространение (16 млн просмотров ролика о Дмитрии Медведеве на YouTube).

В общих чертах его тактика может быть описана так. Шаг первый – исследовательская часть, которая проводится узким организационным ядром в закрытом режиме. Исследование призвано обнаружить шокирующие факты о представителях власти. Обнажить объект разоблачения. Результат этой фазы упакован в отличную медийную оболочку, становится снарядом. Шаг второй – взрыв-презентация с моментальным распространением в социальных сетях. Волна-дискуссия вокруг продукта с нарастанием эмоционального напряжения. Шаг третий – переход от медийности к чистому действию: выход на улицу, протест. Этот цикл с различными вариациями повторяется не раз, не два, не три. Это уже технология. Работает индустрия по производству компромата.

Для внешнего наблюдателя ключевой эффект такой деятельности –

дискредитация элит. Кажется, что Навальный перебирает звенья управленческой цепи и тестирует каждое звено. Это аналог рефлексотерапии, точного иглоукалывания. Если укол чувствителен и весь организм дернулся — эффект достигнут. Насколько случаен выбор звена, почему именно здесь и сейчас? У аудитории нет ответа на этот вопрос.

Навальному интересны личности, а не процессы. Он больше похож на народовольцев и левых эсеров, которые стреляли в царей, губернаторов и министров, чем на большевиков, которые воевали с классами. В среде индивидуальных террористов было много провокаторов, специалистов по двойной игре. Возможно, оппоненты Навального скоро вбросят термин «азефовщина».

Однако компрометация элит ведет к компрометации всей системы, которая всегда персонализирована. Найдя болезненные места, он ставит под сомнение всю цепочку. Но звенья находятся в сложном отношении друг к другу, некоторые из них могут использовать «эффект Навального», чтобы укрепить свои позиции за счет ослабления других. Этот факт рождает гипотезу, что Навальный нужен как инструмент создания искусственных точек напряжения в цепи. Сторонники этой версии спорят: проект «Навальный» изначально создан в качестве такого инструмента или его просто используют в отдельных моментах межклановых войн.

У элит не выработан на сегодня эффективный механизм защиты от атак Навального. Ее представители не мыслят себя как часть общей конструкции и дистанцируются от проблемы «соседа». Они не обладают техническими навыками отражения подобных атак. Защита строится по классической схеме прошлого века, хотя игра идет уже по-новому и на другой доске.

Традиционные методы хороши в условиях контролируемого пространства, где тактика игнорирования может оказаться оправданной и где можно уйти от содержательной стороны вопроса. Но контроля уже нет. Отсутствие ответа — скорее слабость. Однако как отвечать? Здесь слишком много развилок, и каждое решение выглядит ненадежным. Наступает зависание.

Навальный — игрок, который умеет создавать зависания системы, в этом его сильная сторона.

Чуть ли не единственный пример реальной полемики с Навальным — теледуэль, которую провел с ним год назад Анатолий Чубайс, выиграв этот раунд. Но довольно слабая линия защиты — привлечение к атаке на Навального таких изношенных «адвокатов», как ведущий Владимир Соловьев, критика которого только усиливает моральные позиции оппонента («Субботний вечер» с Сергеем Брилевым на канале «Россия», впрочем, показал технологически гораздо более умный и тонкий подход. Открытый вопрос, является ли это личной инициативой Брилева или сменой общей линии по отношению к оппозиции, с признанием «перегибов на местах»).

В процессе разрушения морального доверия к элитам Навальный не выдвигает позитивной программы. Это логично. Любая программа есть сужение поля поддержки: здесь всегда есть место для критики. Можно серьезно увязнуть в дискуссии. Зато Навальный предлагает простой ответ на вопрос «кто виноват?». «Да вот он виноват», — говорит политик. Это близкая и понятная значительной части аудитории логика. Российская политическая культура носит очень личностный характер — обратная сторона слабости институтов.

Медийный продукт-снаряд, который запускает Навальный, обладает особой поражающей силой в рамках феномена «клипового сознания». Этот тип сознания предполагает быстрое чередование сообщений, их высокую эмоциональную насыщенность, перескок через логические ступени, концентрированное воздействие и образность. Политический «клип» нельзя опровергнуть рационально, его может вытеснить только другой клип. В свое время таким условным клипом была «Крымская весна» или военная операция в Сирии, но сейчас очевидных идей нет.

Характерна еще одна черта: продукт Навального — это по форме «дорогой клип». Он вызывает устойчивое ощущение — за его автором кто-то стоит, не может ведь команда энтузиастов

сделать такой продукт в одиночку. «Ну как могут дроны Навального свободно кружить над резиденциями премьера?» — спрашивает себя обыватель и не находит ответа. Подозрение в серьезном ресурсном обеспечении совсем не обязательно создает негативный эффект у аудитории. Оно демонстрирует, что герой «в большой игре», у него есть «крыша», а это говорит об устойчивости.

Молодежь может стать постоянно растущим активом Навального, его электоральным ресурсом. Связано это не только с сетевым характером его политики. В последнее время, вопреки обывательским настроениям, социологи отмечают рост гражданской позиции среди молодых поколений. Эта позиция неизбежно сталкивается с отсутствием образа будущего или инициирована этим отсутствием. Возникает поколенческая фрустрация — разочарование, которое ищет выхода. Для кого-то киты, для кого-то — Навальный. Он дает сообщение: «Надо прорваться в будущее», рождает романтику уличной борьбы-прогулки. Это фан, это интересно, это тусовка, селфи и чекин.

В новом, облачном типе сознания меняется восприятие социума. Уходит понятие общественного авторитета, жесткие иерархичные связи и привычные ценностные платформы разрушаются. Для молодежной среды не имеет никакого смысла игра против Навального через «брендирование» его сомнительными образами прошлого типа «попа Гапона». Зато у нее обострены требования справедливости, развит идеальный фактор; они еще не прошли через массу компромиссов, которые взрослые часто прячут за словами «опыт» и «с мое поживи». А образ Навального построен по такой же модели — «человек без компромиссов». В этом смысле он для своей целевой группы более ровесник, чем многие ровесники.

Стратегию борьбы с Навальным бессмысленно ограничивать только его фигурой. Он не причина, а симптом проблемы. Какая-либо форма его устранения из общественного поля не решит проблему накопления негативной энергии в обществе. Элита действительно слаба, нет ни одной области (кроме, возможно, армии), где ее

представители служат для общества моральными ориентирами.

Понятие общественной элиты сводится сегодня к уровню доступности административного и экономического ресурса; но совершенно упущен основной индикатор – элита должна формировать образцы для населения, выражать на уровне персонального поведения встроенные в общественное сознание идеалы. Ослабление элит формирует в обществе запрос на их ротацию.

Навальный обращается к публике: «Текущее положение вещей несправедливо. Нужна чистка». Справедливость – базовая ценность российского общества. Однако императив справедливости совершенно выпадает из официальной повестки или работает декларативно. «Скромнее надо быть», – говорит Владимир Путин в адрес Игоря Сечина, по сути предлагая всего лишь не выпячиваться. Этого обществу мало. Навальный подхватывает понятие справедливости, потому что никто другой его не держит.

Для власти проектировать встречную по отношению к Навальному стратегию сложно. У различных проектировщиков могут оказаться разные задачи: кому-то он нужен в одном качестве, кому-то в другом. Но вот несколько общих идей, которые могут существенно ослабить «эффект Навального»:

Переформатировать центры, занимающиеся идеологическим обеспечением власти, под реальности новой среды. Уйти от морально устаревших подходов к описанию общества.

Дать обществу реальную дискуссию по стратегии развития страны и образу будущего. Этот уровень – не конек Навального, здесь он будет слабее ряда других игроков.

Выдвинуть серьезную контрфигуру, способную предложить альтернативу: институциональные решения, которые выравнивают общественные перекосы, повышают социальную чувствительность власти и модернизируют правила игры.

Девальвировать исключительность образа Навального путем

создания целой серии маленьких «навальных». Иными словами, усилить возможности для общественных расследований.

Вернуть власть к реальному диалогу с обществом по наиболее острым вопросам местной повестки, вроде судьбы Исаакиевского собора или градостроительной политики Москвы. Тупики в локальных решениях выносят общество на уровень федеральной политики.

Изменить медийную ситуацию. Пока государственные СМИ будут существовать в формате, заточенном под контекст событий 3-х летней давности, общество будет развивать альтернативные решения. При этом особенность сетей – отсутствие каких-либо фильтров достоверности, что обеспечивает продуктам Навального наиболее благоприятную среду.

Самое фундаментальное – формирование стратегического образа развития страны, модификация системы, работающей на этот образ и включение механизма ротации элит.

Список можно продолжать, но понятно, что одними технологиями проблема не решается. В структуре поддержки Навального есть три уровня. Есть ядро сектантского плана, преданное своему лидеру. Есть более широкий, но без глубокого вовлечения, круг общей поддержки. И есть ситуативные сторонники, которым сам Навальный не особо важен, но интересны ситуации, которые он создает. Теоретически отсечение третьей и второй группы возможно. Если дать этим людям реальную альтернативу, а не набор симулякров.